

Бородинское поле

Элегия

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый!
Отдайте мне ваш день, день вековой славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий?
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!

Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!
Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склоняюсь головой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

Бурцову

В дымном поле, на биваке
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся вкруговую,
Православный весь причёт!
подавай лохань златую,
Где веселие живёт!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянёмся,
Что проклятью предаёмся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, поблднеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастья оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,

Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И георгья за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И — ура!
Счастливым день!

Вечер в июне

Томительный, палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немого сумрака приосеняла дали.
Зарницы бегали за синею горой
И, окропленные росой,

Луга и лес благоухали.
Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
И, преклоняясь к лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

Вечерний звон

Вечерний звон, вечерний звон, — То был не звук, но глас страстей,
Как много дум наводит он! То говор был с душой моей!
Не тот, что на закате дня *Вечерний звон, вечерний звон, —*
Гудит в стенах монастыря, *Как много дум наводит он!*
Но тот, что пасмурной порой Все вторило в природе ей:
Поется девой молодой... Луна средь облачных зыбей,
Вечерний звон, вечерний звон, — Пустыня в сумрачной тиши
Как много дум наводит он! И ропот девственной души,
Как он мучителен и мил! Терзаемой любви тоской,
Как он мне чувства возмутил, И очи, полные слезой!..
Когда впервые звук его *Вечерний звон, вечерний звон, —*
Коснулся слуха моего!.. *Как много дум наводит он!*

Бурцову:

призывание на пунш

Бурцов, ёра¹, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он — гусар, и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой² с царским вензелём!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А на место ваз прекрасных,
Беломраморных, больших
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай — я ожидаю, —
Докажи, что ты гусар.

¹Ёра - беспутный человек

²Ташка - у гусар свободно висящий кожаный декоративный карман

Гусарский пир

Ради Бога, трубку дай!	Бурцев, брат, что за раздолье!
Ставь бутылки перед нами,	Пунш жестокий!..
Всех наездников сзывай	Хор гремит!
С закручёнными усами!	Бурцев, пью твое здоровье:
Чтобы хором здесь гремел	Будь, гусар, век пьян и сыт!
Эскадрон гусар летучих,	Понтируй, как понтируешь,
Чтоб до неба возлетел	Фланкируй, как фланкируешь;
Я на их руках могучих;	В мирных днях не унывай
Чтобы стены от ура	И в боях качай-валяй!
И тряслись и трепетали!..	Жизнь летит: не осрамися,
Лучше б в поле закричали...	Не проспи её полет,
Но другие горло драли:	Пей, люби да веселися! —
«И до нас придет пора!»	Вот мой дружеский совет.

* * *

ДАВЫДОВ Денис Васильевич (1784–1839) родился в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии в семье бригадира Василия Денисовича Давыдова, служившего под командованием Александра Суворова. Когда Денису было всего девять лет, полководец удостоил своим вниманием его и его младшего брата. Удалому Денису фельдмаршал предсказал блестящую военную карьеру, а его младшему брату Евдокиму — гражданскую службу. Во втором случае он ошибся, не разглядев в застенчивом мальчике будущего героя Аустерлица.

В 1801 году отец определил Дениса Давыдова в Кавалергардский полк. Из-за маленького роста, от которого и сам Денис Васильевич страдал немало, дежурный офицер отказался его принять. Однако наш герой добился, чтобы его приняли, и вскоре подружился со многими офицерами полка, а 28 сентября 1801 года уже стал эстандарт-юнкером. В кавалергардах Давыдов оставался недолго. В 1803 году в рукописях и устных пересказах начали распространяться его политические басни: «Голова и Ноги» и «Река и Зеркало» (последняя — перевод из французского поэта Луи Филиппа Сегюра). Давыдову приписывают и одну из самых острых басен того периода — «Орлица, Турухтан и Тетерев», где в образе мудрой Орлицы выступает Екатерина II, ее жестокий и глупый наследник Турухтан — Павел I, а в «выбранном» птицами Тетереве легко угадать Александра I. На смелые выпады против правительства у Давыдова были свои причины. После смерти Екатерины попал в опалу блестящий Суворов, а вместе с ним и все его соратники. В полку, которым командовал Василий Денисович Давыдов, обнаружили недостачу в 100 тысяч рублей. Бригадир был уволен по решению суда, который также обязал его выплатить потерянную сумму. Дворцовый переворот 11 марта, в результате которого на престол взошел Александр I, не принес служащему дворянству желаемых результатов. Глухота (отсюда образ Тетерева) и безразличие к поданным, возлагавшим на молодого царя особенные надежды, не способствовали популярности самодержца. Басни Давыдова в это время были выражением общего настроения служащей знати. Позже с таким же осуждением поэт отнесется и к «аракчеевщине», однако идею государственного переворота не одобрит и, будучи приятелем многих декабристов, так и не станет членом тайного общества. В 1804 году за

творчество, которое правительство сочло «возмутительным», Давыдов был вывезен из гвардии в Белорусский гусарский полк, стоявший в Подольской губернии в Малороссии.

Но наш герой переживал недолго, в гусарах ему понравилось. Оставив свои острые политизированные басни, он разрабатывает совсем другое направление в творчестве. Давыдовская «гусарщина» стала одним из самых ярких бытовых и психологических явлений 1800–1810 годов. Живописный и полнокровный образ старого вояки, наездника, «еры и забияки», созданный автором в его стихотворениях, оказался любим не только среди военных, но прижился и в светских салонах. Попытки написания «гусарских» стихотворений были и ранее, однако именно Давыдов, смело использовавший разговорную лексику, экспериментирующий со стихотворными размерами и впервые заговоривший в «гусарских стишках» о патриотизме и доблести, оказался лучшим в этом направлении. Лирический герой поэта очень скоро стал ассоциироваться с ним самим, тем более что и Давыдов не возражал против такого сравнения и всячески подчеркивал свою гусарскую натуру. Такое отождествление чуть было не сыграло с поэтом злую шутку: после двух неудачных романов он, наконец, решил жениться на девице Софье Чирковой, дочери покойного генерала Николая Чиркова. Давыдов получил согласие, но свадьба оказалась под угрозой после того, как мать девушки увидела его стихотворения. Решив, что будущий зять — пьяница и кутила, она намеревалась отказать поэту. Его друзьям стоило немалых усилий, чтобы убедить женщину в том, что поэт и военный историк Денис Давыдов имеет лишь внешнее сходство со своим литературным двойником, пьет в меру и за картами не замечен.

Дело происходило в 1819 году, к тому моменту наш герой был не только уже известным литератором, но и участником войны с Наполеоном, а также героем Отечественной войны 1812 года. О том, как Давыдов сумел попасть в самую гущу боевых действий, ходят легенды. По одной из них, молодой гусар, скучающий в Подольской губернии, ночью проник к фельдмаршалу Михаилу Каменскому, назначенному в это время главнокомандующим русской армии, с требованием отпустить его на фронт. Старания Давыдова были бы напрасными, так как Каменский вскоре был смещен с должности, однако о его «подвиге» узнали при дворе, и гусар попал в адъютанты к князю Петру Ивановичу Багратиону. Сам Давыдов описывает эту историю несколько иначе. Багратион стал любимым начальником, старшим другом и наставником Дениса Давыдова. Есть знаменитый анекдот о князе и его адъютанте, историкам он известен в двух вариантах благодаря дневникам Александра Пушкина. Согласно первой редакции, Давыдов, явившись к генералу Беннингсену, сказал: «Князь Багратион прислал меня доложить, что неприятель у нас на носу». На что тот ответил: «Денис Васильевич, ежели на вашем, так он уже близко, ежели на носу князя Багратиона, так успеем еще отобедать». Согласно второму варианту, съязвил по поводу носа уже сам Багратион, некогда обиженный на Давыдова за эпиграмму, высмеивающую его профиль. Очевидно, что обе эти истории идут от самого Давыдова, прославившего остряком и удивительным рассказчиком, и подчеркивают не только внешние особенности героя анекдота, но и дружественность их отношений. Вместе с Багратионом Давыдов участвовал в ряде важных сражений, после одного из которых получил орден Святого Владимира IV степени. В 1812 году именно к нему поэт обратится с идеей о создании партизанского отряда.

Приказ о формировании этого подразделения, сыгравшего столь серьезную роль в победе над Наполеоном, Багратион подписал накануне Бородинского сра-

жения, в котором был смертельно ранен. Что же касается летучего отряда Давыдова, то во время войны он прославился небывалыми подвигами, вот лишь некоторые из них: с 50 гусарами и 80 казаками в одной из вылазок Давыдов умудрился взять в плен 370 французов, отбив при этом 200 русских пленных, телегу с патронами и девять телег с провиантом; под Ляхово он вместе с другими партизанами взял в плен двухтысячный отряд генерала Ожеро; при подходе к Парижу он вместе с казаками прорвался сквозь гусар бригады генерала Жакино к французской артиллерийской батарее и, уничтожив прислугу, решил исход сражения. После 1812 года о Давыдове и его невероятной храбрости знал, без преувеличения, весь мир. Гравюра работы английского художника Дениса Дайтона с подписью «Денис Давыдов. Черный капитан» хранилась в рабочем кабинете Вальтера Скотта, с которым поэт вел переписку и которому показывал некоторые из своих стихотворений.

Едва ли английский романист смог по достоинству оценить талант гусарского поэта, а вот в России почитателей его творчества было немало. Среди прочих — Пушкин, Языков, Жуковский. Давыдов был членом литературного общества «Арзамас», и, по мнению остальных резидентов кружка, его ухарским веселым текстам невозможно было подражать. Менее известны прозаические тексты Дениса Давыдова, среди которых такие статьи, как «Встреча с великим Суворовым», «Встреча с фельдмаршалом графом Каменским», «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау», «Тильзит в 1807 году», «Дневники партизанских действий» и «Записки о польской кампании 1831 года». По ценности сообщаемых данных эти военные воспоминания и до сих пор остаются важными источниками для истории войны той эпохи. После окончания Отечественной войны карьера Давыдова складывалась не лучшим образом. Для правительства он навсегда остался вольнодумцем, а значит, человеком, которого нельзя задействовать в серьезных кампаниях. И хотя до 1831 года Денис Давыдов принимал участие в военных действиях, он считал себя человеком обделенным по службе. Скончался знаменитый партизан и поэт 22 апреля (по григорианскому календарю — 4 мая) 1839 года на 55-м году жизни. Прах его был перевезен в Москву и погребен на кладбище Новодевичьего монастыря.